

типа: они создали предпосылки для формирования славяно-византийской общины. Условия, в которых складывалась славяно-византийская община, в значительной мере отличались от той обстановки, в которой оказались франкские, лангобардские и иные общины в провинциях бывшей Западной Римской империи. На востоке империи римское влияние на протяжении столетий не уничтожило и не могло уничтожить старых, доэллинистических форм общинной собственности¹. Славянское вторжение влекло за собою возрождение общины, укрепление общинных связей², и со своей стороны местные — фракийские и малоазийские — общинные порядки оказывали существенное воздействие на характер землевладения славян. Следовательно, синтез славяно-византийских общественных отношений протекал в несколько своеобразных условиях: византийское влияние не может быть сведено только к расшатыванию общинных связей и оформлению рождающейся частной собственности, — традиционные, восходящие к доэллинистическим временам общественные отношения содействовали консервации общинных порядков у вторгшихся в Византию племен. Это обстоятельство позволит нам ожидать относительно прочности византийской общины.

Основная масса земель в византийской деревне VIII—X вв. находилась в частном владении. В X в. византийские крестьяне могли продавать свои земли (частями или целиком), сдавать в аренду, передавать в приданое, завещать, обменивать, дарить. Однако права владельцев на их земли были в значительной степени ограничены. Ограничение владельческих прав крестьян-общинников шло по нескольким линиям.

Весьма ограничивали свободу распоряжения крестьян своими участками и препятствовали выделению аллодиальной собственности пережитки родовых отношений³. Даже византийское законодательство, сознательно сохранявшее частновладельческие нормы римского рабовладельческого права, восприняло некоторые положения, восходящие несомненно к обычаям большой семьи. Так, XIX новелла императора Льва VI защищает принцип равного раздела наследства между сыновьями покойного; такой раздел она рассматривает как присущий природе, тогда как иная форма наследования открывает, по словам автора новеллы, путь для несправедливости отца по отношению к сыну, а последнего принуждает к лжи и обману⁴. Эклога, измененная по Прохирону (II, 31), устанавливает, что имущество умершего мужчины наследуют его сородичи (*οἱ τῆς γενεᾶς αὐτοῦ συγγενεῖς*), — в этой формулировке отчетливо видна сила родственных связей.

Ограничение владельческих прав крестьян проявлялось далее в существовании так называемого права на чужую землю, проступающего в нормах Земледельческого закона. Из этого памятника следует, что наказание за нарушение владельческих прав в Византии VIII в. было несравнимо меньшим, нежели во франкском обществе эпохи составления Салической правды: если Салическая правда карает за запашку чужого

¹ О сохранении общин в эпоху Римской империи см. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 257. Об общинах в V—VI вв. см. Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 40; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. ВС, 1945, стр. 28 и сл.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, ВС, 1945, стр. 142.

³ См. А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. ..., ВВ, т. V, 1952, стр. 79, прим. 2; М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. ВВ, т. VII, 1953, стр. 165.

⁴ Jus, III, p. 93.14.